

Сторона

I.

На своей советской стороне
Пробивал я дырки на ремне,
А носил все джинсы я тогда
Меньше на размер, а то и два.
Был ещё я молод и небит,
Поднималась пыль из-под копыт.
Всё казалось мне, что мой удел —
Поднимать страну для важных дел.
Пролетело быстро столько лет,
От страны остался силуэт.
И уже позвал далёкий край,
Долгая дорога — и прощай!

II.

А на той российской стороне
Люди мрут, как мухи на окне.
Вдоль дорог — рекламные щиты,
И ларьки горят из темноты.
Дни проходят словно на бегах.
Шум и гам слышны на площадях:
Песни, крики, мегафонов вой.
А вокруг ОМОН стоит стеной.
На Садовом — иномарки в ряд,
В переходах нищие сидят.

III.

И опять промчалось столько лет.
Из посольства вдруг пришёл ответ...
На чужой, заморской стороне
Всё идёт как будто бы во сне,
Люди, звери, воздух и вода
Вроде не такие, как всегда.
Заморачиваться долго не дано:
Если выжил — значит, суждено.
А о прежней стороне сведено
Узнаю теперь из новостей.
Дни бегут в тревогах и тоске,
Мысли путаются в новом языке.
И порою ночью до утра
Вспоминаю жизнь, что жил вчера.
По какой же я скучаю стороне?
Тихий дворик, занавеска на окне.
Из-за моря поднимается рассвет,
А за ними расстоянье в сорок лет...

Март

В марте дни становятся подлиннее.
Только не знаешь — радоваться или пугаться.
Ночи — короче и вроде чуть-чуть темнее:
Днём минус два, а ночью и все пятнадцать.
Утром натянешь всё, что найдёшь в комодке,
К вечеру паришься, будто в турецкой бане.
И не поймёшь, как жить при такой погоде:
Двадцать градусов дома...
И сорок — в стакане...
Палку с земли поднимешь — она стреляет,
Жёлуди разбросав на снегу, как патроны.
Снег сам промёрз так, что совсем не тает.
И унижительное что-то сверху кричат вороны.
Всем объявили вчера, что весны не будет.
Всё отменяется: солнце, тепло и зелень.
Снег ожидается вечный и грипп с простудой.
И за окном видок останется чёрно-белым.
Глядя на это, больше не веришь в возможность
В реке искупнуться и ягоду поесть от пуза.
Тянутся вечные холод и осторожность
Катетами бесконечной зимы-гипотенузы...

Уж двадцать лет мы Родину не видели,
Она нам пальцем крутит у виска,
А мы сидим, плюёмся в телевизоры —
Хранители родного языка.
Их сериалы — скажем так, убожество,
Из новостных каналов хлещет яд,
Про литжурналы говорить не хочется,
А хочется брать в руки автомат!
И в Интернете тоже наказание:
Вернулись сразу в средние века.
Вот и сидим, молчим в своём изгнании —
Хранители родного языка.
В эфире не смолкают споры бурные,
Кипит, сипит холодная война.
Ругаются мужи литературные —
Настали бесовские времена.
Но мы, без подкрепленья и провизии,
Дерёмся, как солдаты из полка,
Из той, почти разгромленной, дивизии
Хранителей родного языка.

Э. Л.

Оттолкнуться от неба руками—
И прыжком головою вперёд!
Вы идите—мы будем за Вами,
А земля нас внизу подождёт.
Мы молчали так долго и тихо
И страдали больной головой.
Называли Вас конченным психом
И пугали психушкой-тюрьмой.
Только Вы ничего не боялись
И дразнили нарочно чертей.
И над всеми мы громко смеялись,
Позабыв о болезни своей.
Отреклись мы от старого мира,
И от нового мы отреклись.
И с улыбкой глухого сатира
Вы в глубокую падали высь.
Напечатали множество книжек,
Нарожали внебрачных детей,
Чтоб могли миллионы мальчишек
Выбирать себе сами вождей.
Взять в дорогу картошки и хлеба,
Пару ручек и старый блокнот...
Оттолкнувшись руками от неба,
С Вами вместе уходим в полёт...

Я почти не сочиняю,
А всё больше наблюдаю:
У окна сажу, дышу
И немножечко пишу.
У реки расселись утки,
В поле пляшут незабудки,
Жизнь так кажется свежа
Со второго этажа!
Вот мужик прошёл с собакой,
Паренёк в цветной рубашке,
Кучка девок и ребят—
Как скворцы весной, галдят.
Все толкаются, хохочут,
Им стихов не надо точно!
Я же кисну у окна.
Вот такая уж весна!
Запер сам себя в скворечник:
То ли птица, то ли грешник.
Но когда я не грешу—
Я страдаю и пишу.
А когда дойду до точки—
К чёрту выброшу все строчки.
Лучше уж в окно глазеть,
Чем над рифмами корпеть.
Больше я не сочиняю,
А всё больше наблюдаю.
Жизнь прекрасна и свежа
Со второго этажа!

Городок

Городок, в котором я родился,
По тебе я больше не скучаю.
И хотя ты сильно изменился,
Я тебя другим не представляю.
Все твои крутые небоскрёбы,
Что друг к дружке на проспектах жмутся,
Не запомнят моё имя, чтобы
Я хотел и мог туда вернуться.
Шум машин и окон строгий глянец,
Незнакомые названья улиц...
В этом городке я иностранец,
Мы, видать, надолго разминулись.
Где-то там, наверное, остались
Все мои ровесники, ребята
И девчонки, что со мной расстались
В девяностых и восьмидесятых.
Где-то там, вдали, осталась школа,
Тысячи забытых биографий.
Не спасёт от мыслей невесёлых
Куча чёрно-белых фотографий.
Городок, в котором я родился,
По тебе я больше не скучаю.
Мне вчера случайно ты приснился,
Чтоб под утро, как туман, растаять...

Ночная смена

Глубокой ночью
Звезда не хочет
Сама с собой о чём-то говорить.
Затихли звуки,
Шаги и стуки,
Когда во дворик выйдешь покурить.
Ночная смена,
И лишь сирена
То тут, то там прорежет тишину.
Ожили маски
И вновь погасли,
Чтобы вернуться медленно ко сну.
Погасли лица,
Огни больницы,
В приёмной шумно толпится народ.
Ночная смена,
Стальные стены,
И санитары ходят взад-вперёд.
Пустые тени
Чужих сомнений
Узором кроют тёмный потолок.
Но враз взлетают,
Как птичья стая,
Как только утром выйдешь за порог...